

А.И. КОЛИН

(Институт истории АН Молдовы, Кишинев)

А.С. СТЫКАЛИН

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-РУМЫНСКИХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ.
ПИСЬМА Ш. ЧЁБАНУ А.И. ЯЦИМИРСКОМУ
(1910–1911)**

Abstract:

Kolin A.I., Stykalin A.S. *From the history of the Russian-Romanian scientific relations. Letters of Ștefan Ciobanu to Alexander Yacimirskiy (1910–1911)*

Professor Alexander Yacimirskiy (1873–1925), a Bessarabian native, was not only an internationally recognised expert in medieval Slavic manuscripts, but also an outstanding figure in the Romanian studies in Russia. He published a lot of works on the subjects of Romanian literature, folklore, ethnography, history of church and especially on the cultural ties of the Romanians with their Slavic neighbours. A young student from the University of Kiev Ștefan Ciobanu, who planned his academic carrier as an expert in the Romanian-Slavic cultural ties addressed three letters to Yacimirskiy in 1910–1911, seeking the consultations of the best Russian expert in this field. Later Ciobanu became the minister of education in the Romanian Government and vice-president of the Romanian Academy of Sciences.

Ключевые слова: славистика, румынские исследования, А.И. Яцимирский, румынская литература и фольклор, румынско-славянские литературные связи, румынско-русские научные связи, Штефан Чёбану.

Публикуемые ниже письма, хранящиеся в фонде 584 (А.И. Яцимирский) Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), раскрывают одну из ранее не известных исследователям страниц из истории российско-румынских связей в области гуманитарной науки. В них находят отражение контакты двух земляков, уроженцев Бессарабии, каждый из которых внес значительный вклад в филологическую науку. 27-летний студент Киевского университета, ученик академика В.Н. Перетца Степан Чебан, лишь начинавший свой путь в науке (впоследствии — вице-президент Румынской академии Штефан Чёбану, 1883–1950), обратился в 1910 г. за консультацией к довольно опытному мэтру, который, несмотря на свою относительную молодость, уже имел немалый авторитет в науке. Речь идет о 37-летнем Александре Ивановиче Яцимирском (в то время приват-доценте Петербургского, а впоследствии профессоре Варшавского университета). Между ними завязалась переписка. В течение ряда лет Чебан продолжал периодически консультироваться у Яцимирского по широкому кругу проблем, связанных со своими профессиональными интересами.

Имя А.И. Яцимирского (1873–1925), выдающегося филолога-слависта, археографа, исследователя средневековых рукописей, не нуждается в представлении специалистам¹. Именно Яцимирский еще в 1890-е годы составил описание манускриптов из собрания П.И. Шукина². Его перу принадлежит монография о выдающемся деятеле культуры начала XV в. Григории Цамблаке³. В течение долгого времени Яцимирский возглавлял отдел славянской филологии в редакции энциклопедии Брокгауза — Ефрона и опубликовал на страницах этого авторитетного многотомного издания немало статей. Следует, однако, иметь в виду, что круг научных интересов Яцимирского, не ограничиваясь славистикой, включал в себя также проблемы румынской филологии, этнографии, средневековой культуры⁴. Сын обедневшего украинского дворянина, служившего школьным учителем в населенном главным образом молдаванами местечке Хынчешты Бессарабской губернии, А. Яцимирский с детства прекрасно владел румынским языком и начал свой путь в науке публикацией статей по румынской этнографии и рецензий на труды румынских ученых⁵. Еще в юные годы он активно занимался собиранием и описанием рукописного наследия бессарабских монастырей, а с середины 1890-х годов проводил аналогичные исследования в монастырях Запрутской Молдовы (входившей в состав Румынии). Славяно-восточнороманские литературные и культурные связи на протяжении многих лет оставались одним из магистральных направлений его многогранного творчества⁶. Вполне естественно поэтому, что выдающийся специалист по средневековой русской литературе и театру В.Н. Перетц (в то время профессор Киевского университета) рекомендовал своему молодому способному ученику-молдаванину, проявлявшему профессиональный интерес к румынской духовной культуре и румыно-славянским культурным связям, обратиться за консультацией именно к Яцимирскому, с которым Перетц, впоследствии ставший академиком, на протяжении многих лет поддерживал тесные дружеские связи⁷.

Степан Чебан, хорошо к тому времени знакомый с трудами Яцимирского, адресовал свое первое письмо ему как «единственному авторитету у нас в России» по интересовавшим его проблемам румынской филологии, этнографии и духовной культуры. Испытывая, по его собственному признанию, потребность в «руководящих нитях», в одном своих последующих писем он также просил дать ему «указания если не методологического, то по крайней мере библиографического характера». Профессиональные советы опытного филолога-румыниста были для начинающего исследователя тем более важны, поскольку интерес к румынской словесности и культуре в российской университетской и академической среде был очень невелик, соответственно, почти не поступа-

ли и печатные издания из этой соседней страны. Из письма, в частности, узнаем, что в библиотеке Киевского университета были книги даже на японском языке (что, впрочем, не очень удивительно в свете недавно закончившейся русско-японской войны), но не было книг на румынском. Лишь немногим лучше обстояло дело с библиотекой Киевской духовной академии, хотя это учебное заведение не только вело свои истоки от Киево-Могилянской академии, основанной великим уроженцем Молдавского княжества Петром Могилой (Петру Мовилэ), но и внесло огромный вклад в подготовку кадров для Румынской православной церкви — среди его выпускников были многие видные иерархи и теологи, включая одну из центральных фигур в истории румынской церкви XIX в., епископа Мелькиседека (Штефанеску). Впрочем, среди сверстников Чебана, общавшихся с ним в Киеве в начале 1910-х годов, серьезный интерес к румынской словесности проявлял из студентов Духовной академии лишь Алексей Матеевич — рано скончавшийся талантливый румыноязычный поэт, одно из лучших стихотворений которого, положенное на музыку, стало впоследствии гимном Республики Молдова.

Письма Чебана свидетельствуют о том, что поначалу он видел себя в будущем не только и не столько литературоведом (магистральная тема его более поздних исследований), сколько фольклористом, отчасти этнографом — показателен его интерес к бессарабской свадьбе. В этой сфере знаний Яцимирский тоже был для него немалым авторитетом как человек, проводивший непосредственные полевые исследования в Бессарабии и Румынии. Тот факт, что не только богатый румынский фольклор, но и словесность (и шире — духовная культура) были в целом мало знакомы российскому академическому сообществу, послужил для Чебана серьезным стимулом к углублению в эту тематику. Письма Яцимирскому свидетельствуют о том, что молодому молдаванину (будущему министру просвещения Румынии!) вовсе не были чужды амбиции делать академическую карьеру именно в Российской империи, подданным которой он в то время являлся. Другое свидетельство этому — его ранние публикации в серьезных российских научных изданиях, о чем тоже упоминается в публикуемых ниже письмах.

Судьба, однако, распорядилась по-иному. По окончании Киевского университета Степан Чебан служил преподавателем русской словесности в гимназии украинского города Житомир, а в 1917 г. вернулся в родную Бессарабию, где активно включился в политическую жизнь в качестве участника молдавского национального движения. Российская империя трещала по швам. Поддержав, как и многие молдавские интеллектуалы его генерации, приход в Бессарабию в 1918 г. румынских войск в целях противодействия большевизму и последующее вхождение этого края в

состав Румынии, Степан Чебан, в соответствии с законами румынского языка превратившийся в Штефана Чёбану, отвечал за вопросы школьной политики в первой румынской администрации своего родного края. Его деятельность в этом качестве получила позитивную оценку даже такого жесткого критика бессарабской политики королевской Румынии, как видный предприниматель и общественный деятель России начала XX в., а на склоне лет уважаемый депутат румынского парламента Василий Строеско (Василе Строеску). В своем наиболее ярком и шумевшем парламентском выступлении 1920 г. он заявил: «Единственная отрасль управления [в Бессарабии] идет хорошо и руководится человеком понимающим, умным, терпеливым, сумевшим устранить и примирить все со всех сторон возникавшие недоразумения и трудности, — это директорат народного просвещения, руководимый г. Степаном Чёбану»⁸. Позже Чёбану был профессором филологических кафедр в высших учебных заведениях Кишинева, Ясс и Бухареста. Приход Советской Армии в его родную Бессарабию в июне 1940 г. в целях присоединения этого края к СССР застал его министром просвещения и культов Румынии в правительстве Г. Татареску, которое, впрочем, не удержалось у власти, рухнув буквально через неделю. Новый резкий сдвиг вправо и установление диктатуры Антонеску прервали общественную и государственную деятельность Штефана Чёбану. Впрочем, и занимая государственные посты, он никогда не переставал быть филологом и историком духовной культуры, опубликовав десятки работ (в том числе монографий) по истории румынской литературы, русско-румынских литературных и культурных связей, бессарабскому краеведению. После падения режима Антонеску, в 1944–1948 гг., он был вице-президентом Румынской академии, оставшись не у дел и покинув университетскую кафедру лишь с установлением в Румынии теперь уже другой диктатуры — коммунистической. Знание основных вех последующего творческого пути Штефана Чёбану позволяет однозначно констатировать влияние Яцимирского на молодого филолога, который, при всех трудностях и отсутствии в киевских библиотеках необходимой литературы, не оставил всё же профессиональных занятий избранным делом, твердо помня совет более опытного коллеги. Что же касается Яцимирского, то его обширные плодотворные связи как с интеллектуалами, вышедшими из родной ему Бессарабии, так и с румынскими учеными должны стать предметом более систематического изучения⁹.

Киев, 20 февраля 1910 г.

Уважаемый профессор!

Знакомый с Вашим именем только по Вашим научным трудам, осмеливаюсь обратиться к Вам с незначительной просьбой. Состоя студентом словесного отделения историко-филологического факультета Киевского университета¹⁰ и владея, как уроженец Бессарабии¹¹, до известной степени румынским языком, я хотел бы использовать знание этого языка, точнее, мне хотелось бы поработать над некоторыми вопросами, касающимися румынской истории литературы и народной словесности, румынского языкознания и, в частности, бессарабской народной словесности, глубоко интересной, но совершенно неведомой русскому обществу и науке. Мне необходимы некоторые руководящие нити, некоторые указания если не методологического, то по крайней мере библиографического характера. Профессора нашего университета оказываются не в силах давать какие бы то ни было сведения по этому вопросу, благодаря абсолютному незнакомству с румынским языком и румынской наукой. В наших университетских библиотеках имеется литература даже на японском языке, но нет ни единой книги на румынском языке или о румынской литературе, если не считать разыскания в области духовного стиха академика А.Н. Веселовского¹². Эти прискорбные обстоятельства вынуждают меня обратиться к Вам как к единственному авторитету у нас в России по этим вопросам. Мною собран сырой материал по вопросу о бессарабской свадьбе, но этот материал не может быть разработан при отсутствии румынской [выделено в письме. — А.К., А.С.] литературы по данному вопросу. Необходимо сличить, сравнить, насколько бессарабская свадьба в своих ритуалах изменилась при новых условиях жизни народа в течение последнего столетия¹³, насколько подверглась она влиянию русской народности. По вопросу о русской свадьбе я могу найти огромное количество литературы; что касается румынской — я не знаю ни одного более или менее выдающегося авторитета. Поэтому я просил бы Вас, если это для Вас не составит трудности, указать лишь наиболее [выделено в письме. — А.К., А.С.] выдающиеся труды румынских филологов по этому вопросу или по крайней мере указать источник, куда бы я мог обратиться за этими сведениями. Понятно, мне необхо-

димы были бы последние данные румынской науки. Если укажете лишь и направление, в каком целесообразнее было бы разработать этот вопрос — буду Вам вдвойне благодарен. Этой просьбой пока ограничусь.

Соблаговолите направить ответ по следующему адресу: Киев, Большая Васильковская, 108, кв. 1, студенту университета Степану Николаевичу Чебану.

Искренний Ваш почитатель С. Чебан.

Киев, 25 ноября [1910]

Глубокоуважаемый Александр Иванович,

В прошлом академическом году я обращался к Вам письменно с просьбой сделать мне кое-какие указания относительно интересующего меня вопроса о румынской свадьбе. Принося Вам искреннюю благодарность за Ваше столь любезное письмо¹⁴, осмеливаюсь вновь побеспокоить Вас несколькими вопросами. Бессарабскую свадьбу я пока оставил, благодаря тому, что материалы, собранные мною на месте¹⁵, оказываются слишком скудными: не хватает главным образом свадебных песен, которые являются весьма характерными для более важных моментов свадебного ритуала молдаван. Я надеялся найти хоть кое-какие материалы в русской литературе, но в ней ровно ничего нет, равно как мало дают (о Бессарабии) и труд Marianu¹⁶ и сборник Z. Arbore (Basarabia 1899)¹⁷. Словом, приходится откладывать до более благоприятного момента¹⁸. В настоящее время я работаю в филологическом семинарии Владимира Николаевича Перетца¹⁹, хотелось бы работать главным образом в области румыно-славянских отношений, что доставило бы много приятного и Владимиру Николаевичу, т.к. для моих занятий открывается область взаимоотношений между южнорусской литературой XVI-XVIII вв. и румынской письменностью. Владимир Николаевич даже обещал обратиться к Вам с просьбой наметить пути, где можно было бы работать с наибольшей продуктивностью. Я же решил использовать находящийся у меня сборник Marianu «Legendele Maicii Domnului»²⁰ и написал реферат «Румынские легенды о Богородице в их отношении к старорусской письменности», который на днях будет читаться у Владимира Николаевича. Просмотрел все южнорусские сборники легенд и вообще апокрифические сказания Др[евней] Руси. Румынских пособий у меня никаких не было, если не считать

“Literatura românească veche” J. Bianu²¹ и его же описания рукой²², которые могут дать разве статистический материал. Я просил бы Вас, если для Вас не составило затруднения, указать какие-нибудь пособия по этому вопросу на румынском языке; может быть, еще имеются в каких-нибудь румынских источниках легенды о Богородице. На досуге думаю заняться еще этим вопросом. А затем, может быть, Вы наметили бы для меня некоторые вопросы для разработки, по возможности, в плоскости взаимоотношений между южнорусской письменностью и румынской, так как мне доступны киевские источники южной литературы. Я был бы Вам бесконечно благодарен, не говоря о том, что это доставило бы большую радость Владимиру Николаевичу. Большие затруднения для занятий румынской филологией представляет здесь в Киеве почти полное отсутствие румынских книг. В университете ничего нет, кое-какие издания Румынской академии имеются в библиотеке Духовной Академии и в «Науковом Украинском товариществе»²³. Academia Română²⁴ выслала мне несколько книг по фольклору и каталог своих изданий, но многого, что разработано румынской наукой, у меня нет. Поэтому я просил бы Вас указать мне и необходимые пособия для моих работ. Может быть, имеется какой-нибудь библиографический указатель научной литературы по румынской филологии (конечно, на румынском языке). Затем еще последняя к Вам просьба: я предполагаю с Нового года выписать какой-нибудь румынский литературный журнал, более серьезный, и не знаю, на каком из знакомых мне (по названиям) остановиться. В Духовной Академии занимается румынской филологией еще студент г. Матвеевич²⁵ (печатает в «Кишиневских епархиальных ведомостях» небольшую работу о молдавском языке в Бессарабии), но и он в таком же беспомощном положении, как и я.

С искренним к Вам уважением. С. Чебан.

Мне можно адресовать: Киев, почта, Степану Николаевичу Чебану, до востребования.

Киев, 29 сентября 1911 г.

Глубокоуважаемый Александр Иванович,

Мне как-то говорил Владимир Николаевич, что Вам необходимы копии с каких-то рукописей киевских библиотек. Мне приходится довольно часто бывать в местных

библиотеках, почему я в благодарность за те указания, которые Вы мне сделали и которые надеюсь и в будущем от Вас получить, готов Вам в данном случае помочь чем смогу.

Поэтому соблаговолите написать, какие именно номера Вам необходимы (по описанию Петрова²⁶), что из них выписать и как скоро это нужно сделать.

Занятия румыноведением я не оставил, твёрдо помня Ваш совет, но не знаю, к чему они в конце концов сведутся. Владимир Николаевич усиленно рекомендовал мне оставить славяно-русское отделение и перейти на романское, где я бы свободно мог заняться этой областью. Но во-первых, для меня поздно начинать сначала, т.к. в этом году я кончаю, во-вторых, романское отделение в Киеве мне ничего не может дать, ибо совершенно нет профессоров-специалистов (Шаровольский²⁷ сосредоточивает в себе и романское и германское отделения). По отделению русской филологии я не смогу остаться, ибо у В.Н. перепроизводство по этой специальности. Всё же я думаю работать в этой области по окончании. Меня соблазняет фольклор Румынии и в частности Бессарабии. Сейчас занимаюсь Берындой²⁸, но встречаю большие затруднения в отсутствии необходимых источников, в Киеве нет всех изданий Берынды (1614-1632 гг.), откуда можно извлечь данные о его жизни и типографской деятельности. Очень интересен вопрос о его происхождении, хотя, кажется, до сих пор не решен в окончательном смысле, несмотря на работу Крецу²⁹. Мне очень хотелось бы знать Ваше мнение по этому вопросу, тем более что в намеченной Вами программе румыно-славянских очерков Вы о нем говорите как о румыне³⁰. Моя работа о румынских легендах о Богородице будет напечатана в «Этнографическом обозрении» в декабрьской или январской книжке³¹. Другая, весьма небольших размеров, печатается в очередной книге из трудов «Неофилологического общества» в Петербурге³². Больше всего боюсь Вас как специалиста в этой области. Сознаю, что при иных условиях многое можно было бы иначе сделать. Выйдут оттиски – постараюсь послать Вам.

Адрес мой: Жилианская, 58, кв. 27, С.Н. Чебан.

С совершенным к Вам уважением.
С.Чебан.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из работ биографического плана, ему посвященных, см.: *Матковски А.* Документальные данные о жизни и деятельности А.И. Яцимирского // Советское славяноведение. 1979. № 1. С. 89–99.

² См.: *Опись старинных славянских и русских рукописей из собрания П.И. Щукина.* Вып. I. М., 1896. 367 стр.; *Опись старинных славянских и русских рукописей из собрания П.И. Щукина.* Вып. II. М., 1897. 276 стр.

³ «Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности» (Спб., 1904). За эту работу и ряд других исследований А.И. Яцимирский была удостоен в 1905 г. Ломоносовской премии.

⁴ Вклад А.И. Яцимирского в изучение румынского языка, словесности, духовной культуры подробно проанализирован в работе: *Домосилецкая М.В.* Изучение румынского языка и культуры румын в России (XIX — начало XX вв.) // *Acta Linguistica Petropolitana.* Труды Института лингвистических исследований РАН. Том V. Часть 1 / Отв. редактор академик Н.Н. Казанский. Спб., 2009. С. 51–151.

⁵ См.: *Яцимирский А.И.* Биобиблиографический справочник / Сост. А. Матковски. Кишинев, 1979. В дополненном и обновленном виде этот материал содержится в справочнике, изданном в Болгарии: *Матковски А.* Полехроний Сырку и Александр Яцимирский. Биобиблиографии. Велико Търново, 2013.

⁶ обстоятельный обзор его работ по этой тематике см.: *Домосилецкая М.В.* Указ. соч. Как и подобало наиболее выдающемуся знатоку славянских рукописей, бытовавших в румынском пространстве, Яцимирский зачастую смотрел на румынистику сквозь призму славистики, она была для него неотделима от славистики. О значении румынской филологии для славистики он писал в своей статье «Значение румынской филологии для славистики и румынских изучений». См.: *Журнал Министерства народного просвещения.* Новая серия. 1908. Ч. XVIII. № 9. С. 121–142.

⁷ В личном фонде В.Н. Перетца в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) хранятся 76 рукописных листов с письмами Яцимирского Перетцу (РГАЛИ. Ф. 1277. Оп.1. Д. 97). Этот ценный источник активно использовал М.А. Робинсон. См.: *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 7788. Оп.1. Д. 20. Л. 153.

⁹ На протяжении долгих лет Яцимирский поддерживал тесные связи с выдающимся деятелем Русской православной церкви начала XX в., уроженцем Бессарабии, епископом, а позже митрополитом Арсением (А.Г. Стадницким). Его многочисленные письма Арсению с 1900 по 1917 г. общим объемом более 120 рукописных листов хранятся в личном фонде Арсения в ГАРФ: Ф. 550 (митрополит Арсений). Оп. 1. Д. 488. В своей переписке владыка Арсений (крупный специалист по истории православной церкви в румынских землях, особенно в Молдове) и А.И. Яцимирский постоянно обменивались мнениями по конкретным проблемам румынской, молдавской истории, они постоянно следили за новыми работами друг друга. Яцимирский предоставил в распоряжение Стадницкого ряд ценных средневековых источников, помогал ему достать литературу на румынском языке. Более того, он оказывал Арсению помощь (в том числе техническую) при подготовке к печати его важнейшего труда «Исследования и

монографии по истории Молдавской церкви» (Спб., 1904), что было отмечено и в предисловии к этому труду. Имя Яцимирского многократно упоминается и в дневнике Стадницкого [*Митрополит Арсений (Стадницкий)*]. Дневник. 1880–1901. М., изд-во ПСТГУ, 2006; 1902–1903. М., 2013; 1903–1905. М., 2015]. Среди многочисленных корреспондентов Яцимирского были уроженец Кишинева, видный российский литературовед, живший в Петербурге, Василий Келгуяла (РГАЛИ. Ф. 584. Оп. 1. Д. 107), румынский дипломат, учившийся в Петербурге, автор работ по церковной истории Георге Самуриан (Там же. Д. 214), крупный впоследствии историк и государственный деятель межвоенной Румынии, будущий академик Румынской академии Сильвиу Драгомир (Там же. Д. 70), которому Яцимирский оказал помощь в ходе его командировки в Россию в целях изучения русско-румынских церковных связей XVII в.

¹⁰ С. Чебан учился в Киевском университете св. Владимира с 1907 г.

¹¹ С. Чебан родился в ноябре 1883 г. в селе Талмаза Бендерского уезда Бессарабской губернии в семье землевладельца. Среднее образование получил в кишиневской гимназии № 1, весьма продвинутом в то время среднем учебном заведении.

¹² Ш. Чёбану имеет в виду работу А.Н. Веселовского «Разыскания в области русского духовного стиха» (Ч. 6–10. Спб., 1883), в которой обращалось внимание на некоторые явления румынской литературы.

¹³ Т.е. после присоединения Бессарабии (междуречья Днестра и Прута) к Российской империи согласно Бухарестскому мирному договору 1812 г., завершившему русско-турецкую войну 1806–1812 гг.

¹⁴ Ответные письма Яцимирского Чёбану, по всей видимости, не сохранились.

¹⁵ Т.е. в ходе полевых этнографических исследований в Бессарабии.

¹⁶ Чебан имеет в виду опубликованный в 1890 г. Румынской академией сборник исследований ведущего румынского этнографа Симиона Флоря Мариана, посвященных румынской свадьбе: *Marian Simion Florea. Nunta la români. Studiu istorico-etnografic comparativ*. București, 1890.

¹⁷ Имеется в виду книга «Бессарабия в XIX в.», принадлежащая перу видного румынского публициста и общественного деятеля Замфирия Арборе-Ралли (1848–1933), учившегося в России и тесно связанного в молодости с российским революционным (народническим) движением (*Arbore Z. Basarabia în secolul al XIX-lea*. București, 1899). Книга эта получила весьма критический отклик А.И. Яцимирского в его рецензии, опубликованной на страницах журнала «Живая старина» (1901. Т. 11. С. 92–93). Как на один из ее существенных недостатков он указывал на слабость «этнографической части».

¹⁸ Тематика, о которой идет речь, не заняла сколько-нибудь значительного места в творческом наследии Ш. Чёбану.

¹⁹ В.Н. Перетц был профессором Киевского университета в 1903–1914 гг. Из руководимого им семинария русской филологии вышло немало видных филологов-русистов (В.П. Адрианова-Перетц, Н.К. Гудзий и др).

²⁰ Сборник «Легенды о Богородице». См.: *Marian Simion Florea. Legendele Maicii Domnului*. București, 1904.

²¹ Речь идет о неоднократно издававшемся пособии «Старая румынская литература» известного румынского литературоведа и библиографа Иоана Биану (1856–1935).

²² В данном случае неясно, о чем идет речь. Скорее всего о некоей библиографии.

- ²³ Научно-просветительское общество «Українське наукове товариство», основанное по инициативе М.С. Грушевского, функционировало в Киеве с 1907 г.
- ²⁴ Румынская Академия (основана в 1866 г.).
- ²⁵ Речь идет об Алексее Матеевиче (1888–1917), известном молдавском поэте.
- ²⁶ Имеется в виду «Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве» Н.И. Петрова (Вып. I–III, 1891–1904).
- ²⁷ Шаровольский Иван Васильевич (1876–1954) — литературовед, профессор Киевского университета.
- ²⁸ Памва Берында — монах Киево-Печерской Лавры XVII в., печатник. Выходец из Галиции, предположительно из переселившейся в Галицию валашской семьи.
- ²⁹ Версия о румынском происхождении П. Берынды была впервые выдвинута румынским филологом Гр. Крецу в работе: Mardarie Cozianul. *Lexicon slavo-românesc și tâlcuirea numelor din 1649* // *Publicate cu studiu, note și indicele cuvintelor românești de Grigorie Crețu*. București, 1900.
- ³⁰ Можно предполагать, что в своих письмах Чебану Яцимирский делился с ним планами новых работ по проблемам румыно-славянских литературных связей.
- ³¹ См.: *Чебан С.Н.* Румынские легенды о Богородице // *Этнографическое обозрение*. 1911. № 3–4. С. 1–57.
- ³² См.: *Чебан С.* Миф об Арахне в богородичной литературе // *Записки Неофилологического общества*. Вып. 6. Спб., 1912.